А. Д. ОРИШИН

О СТИЛЕ НАУЧНОЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ М. В. ЛОМОНОСОВА

Для рассмотрения научной прозы Ломоносова со стороны ее художественных стилистических качеств мы имеем тем большие основания, что она включалась Ломоносовым в область красноречия наравне с художественными произведениями.

Определяя в «Риторике» красноречие, Ломоносов не только не ставит для него каких-либо жанровых или тематических ограничений: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красиво говорить и тем преклонить других к своему об оной мнению»,[1] но особо подчеркивает, что «материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете» (VII, 96).

Научные сочинения Ломоносова поражают остротой, проницательностью и огромной обобщающей силой мысли, умением находить связь между самыми, на первый взгляд, отдаленными явлениями, видеть в частном, конкретном общую универсальную идею.

Очень интересны в этом отношении черновые научные заметки Ломоносова по физике и корпускулярной философии, позволяющие проследить ход его мысли от конкретного, обыденного и, казалось бы, не имеющего никакой научной ценности факта, к понятию, обобщению, закону. Среди этих заметок читаем:

«Надо подумать о безвредном свете гниющего дерева и светящихся червей. Затем надо написать, что свет и теплота не всегда взаимно связаны и потому различествуют» (I, 105).

«Прозрачные тела в любом положении пропускают лучи, значит их корпускулы круглы» (I, 105). Проезжая неоднократно Гессен-

[1] М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 91. Далее цитируется по этому изданию с указанием в скобках после цитат тома — римской цифрой и страницы — арабской.

ское ландграфство, Ломоносов обратил внимание на сходство представшего перед глазами ландшафта с хорошо знакомыми ему берегами Белого моря. И это мимоходом сделанное наблюдение привело его к мысли о том, что на территории Гессенского ландграфства некогда было морское дно (V, 580).

Известная работа Ломоносова «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (1753) в значительной степени основана на простейших наблюдениях обыденных явлений природы. Внезапное наступление мороза после выпадения снега, похолодание в тихую безоблачную погоду, оттепели, наступающие вместе с ветром, печной дым, простирающийся в зимнюю стужу книзу, вместо того, чтобы подниматься вверх, — таковы простейшие факты, на основе которых разработана и создана теория происхождения атмосферного электричества.

Отмеченная простота и оригинальность подхода Ломоносова к решениям научных задач выступает здесь особенно отчетливо.

Приведем еще один чрезвычайно любопытный в этом отношении пример. В «Физической задаче о ночезрительной трубе» Ломоносов писал: «... размеры зрачка глаза совы даже в присутствии света ясно показывают, что для ночного зрения много значит большее количество света, собранное большим отверстием... Побужденный этим, я начал думать о трубе, при помощи которой глаз мог бы яснее и отчетливее, чем обычно, различать вещи в темноте» (IV, 117).

Таким образом, первоначальным побудительным толчком к изобретению так называемой ночезрительной трубы Ломоносова явилось, как оказывается, наблюдение необычно большого зрачка совы.

Во всех приведенных выше примерах мы видим чрезвычайно характерное для Ломоносова обращение к повседневной окружающей человека действительности, воспринимаемой простейшим наблюдением.

Г. А. Князев определял эту особенность ломоносовского гения, как «непосредственность обобщающего процесса мысли в направлении к конечным результатам его: понятию, закону, принципу».[2]

Необходимо, однако, заметить, что эта особенность является не просто каким-то врожденным свойством ломоносовского гения, а вполне осознанным и неоднократно теоретически обоснованным в работах Ломоносова методом научного познания природы: «Много таковых простых и повседневных явлений пренебрегаем и мимо проскакиваем, которые в испытании натуры к великим откровениям подают повод, а предприемлем и изыскиваем трудные опыты» (III, 391).

---

[2] Г. Князев. Ломоносов (природа его гения). Изд. 2-е, Пгр., 1915, стр. 23.

В упоминавшихся уже заметках по физике и корпускулярной философии есть одно замечательное высказывание, относящееся не столько к физике, сколько к стилю научных сочинений вообще: «Те, кто пишут темно, либо невольно выдают этим свое невежество, либо намеренно, но худо скрывают его. Смутно пишут о том, что смутно себе представляют» (I, 145).

Сила логического мышления позволяла проникать Ломоносову в самые сокровенные тайны природы, «достигать во глубину земную разумом, куда рукам и оку досягнуть возбраняет натура» (V, 531), она позволила ему заложить основы научной атомистики — учения о мельчайших нечувствительных частичках, составляющих тела и определяющих их качественную природу. О каких-либо экспериментах в этой области во времена Ломоносова не могло быть и речи.

Строгая логичность умозаключений, теоретическая глубина и сила мысли сочетаются в научных сочинениях Ломоносова с необычной живостью и конкретностью изложения. Научная проза Ломоносова поражает какой-то особой живописной изобразительностью, картинностью, множеством тонко схваченных наблюдений, реалистических деталей, предметных зрительных образов, свидетельствующих о том, что Ломоносов в высшей степени обладал той «силой совоображения», о которой он говорил в «Риторике» и которая является необходимейшим качеством подлинного художника.

Общие и отвлеченные понятия, сухие силлогизмы часто выступают в его произведениях облеченными в живую плоть художественных образов. Так, например, в «Рассуждении о большой точности морского пути», говоря о выгодах и вместе с тем опасностях и трудностях мореплавания, Ломоносов развертывает каждое из этих положений в ряде ярких эмоционально окрашенных картин: «Колебаться свирепого моря стремлением, зноем, жаждою, голодом утомляться, исчезать в горячке, заразиться моровою язвою, паче ж всего похищену быть в бешенство и между тем не знать известно пристани для прибежища и отдохновения, — есть не что иное, как живому лежать во гробе» (IV, 125).

Мысль о том, что в непогоду трудности кораблевождения и ориентировки корабля усугубляются, представлена в такой картине: «Но уже мрачная наступает погода, похищает из очей Солнце, Луну и Звезды, бесполезны остаются астрономические орудия, без которых самые точные и несравненным мастерством сделанные часы никуда не годны. Между тем буря стремительно корабль гонит, отвращают его с намеренного пути волны, ускоряется путь способным моря течением, противным — воспящается» (IV, 129).

«Рассуждение о большой точности морского пути», из которого приведены эти примеры, было предназначено для публичного

произнесения в академии. Оно строилось как ораторское произведение, как и похвальные слова Ломоносова. Но следует подчеркнуть, что образность и конкретность изложения характерны не только для ораторской прозы Ломоносова. Эти качества присущи в значительной степени и его сугубо научным диссертациям, деловой и публицистической прозе, лишенным преднамеренного украшения речи по правилам риторики.

Стремясь к простоте и общедоступности освещения сложных и отвлеченных научных понятий и проблем, Ломоносов очень часто и чрезвычайно удачно подыскивает к ним конкретно-бытовые аналогии. Непонятное, абстрактное объясняется через простое, хорошо известное, взятое из обыденной жизни.

Особенно много таких аналогий в тех сочинениях, где говорится о явлениях, недоступных человеческому восприятию. Необходимость изучения внутреннего строения вещества и свойств нечувствительных частиц — корпускул, составляющих его, доказываются такими аналогиями:

«Если бы я захотел читать, еще не зная букв, это было бы бессмыслицей. Точно так же, если бы я захотел судить о явлениях природы, не имея никакого представления о началах вещей, это было бы такой же бессмыслицей» (I, 145).

«Видя у часов одну только поверхность, можно ли знать, какою силою они движутся и каким образом, разделяя на равные и разные части, показывают время. Во тьме должны обращаться физики, а особливо химики, не зная внутреннего нечувствительного частиц строения» (III, 387).

В «Слове о пользе химии» необходимость знания внутреннего строения вещества сравнивается с необходимостью знания для правильного понимания человеческого организма и его внутренних органов, их устройства и функций, ими выполняемых.

Отмечавшаяся исследователями гениальная простота, с какой сформулирован Ломоносовым его известный закон, условно называемый законом сохранения вещества, — достигается в значительной степени тем, что содержащееся в этом законе широчайшее философское обобщение, охватывающее «все перемены, в натуре случающиеся», конкретизируется на самом простом и чрезвычайно удачном примере: «Сколько часов положит кто на бдение, столько же сну отнимег» (III, 383).

Многие сопоставления, аналогии, встречающиеся в научных трудах Ломоносова, поражают оригинальностью, умением находить общее, сходное в явлениях, взятых из самых различных сфер природы и человеческой деятельности. Таково, например, развернутое уподобление вулканов внутренним болезням человеческого тела: «Огнедышащие горы, как бы некоторые проломы в теле, показывают излишество материи, которая, подобно внутренней болезни, выходя наружу, движет и надувает приближенные части. Наконец, прорвавшись, испускает причиняющую сие материю, ко-

торая чем обильнее выходит, тем больше следует облегчение, и рана или заживает вовсе или на долгое время» (V, 572).

Таково же чрезвычайно остроумное, шутливое уподобление роли союзов в предложении гвоздям и клею: «Союзы не что иное суть, как средства, которыми идеи соединяются, итак, подобны они гвоздям или клею, которыми части какой махины сплочены или склеены бывают. И как те махины, в которых меньше клею и гвоздей видно, весьма лучший вид имеют, нежели те, в которых споев и склеек много, так и слово важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше. Однако не должно в нем оставлять таких щелей, по которым бы оно могло вовсе развалиться» (VII, 376—377).

Подобных примеров, чрезвычайно оживляющих научное изложение и облегчающих восприятие трудных понятий, можно найти в сочинениях Ломоносова великое множество.

При этом снова следует подчеркнуть, что это характернейшее для научных сочинений сопоставление по аналогии сложного и отвлеченного с простым и конкретным является отнюдь не простым средством популяризации изложения, а приемом научного мышления, тесно связанным с постоянным стремлением Ломоносова установить внутреннее единство всех неисчерпаемых многообразных проявлений природы и как бы одним взглядом охватить совокупность всех вещей.

В основе рассмотренных выше аналогий и сопоставлений лежало твердое убеждение Ломоносова в том, что в большом и малом, простом и сложном, редком и обыденном, непосредственно доступном чувственному восприятию и скрытом, постигаемом только разумом, «природа крепко держится своих законов и всюду одинакова» (I, 135). Это важнейшее материалистическое положение Ломоносова о единстве природы неоднократно в различных вариациях встречается в его работах. В «Слове о происхождении света» Ломоносов писал: «Натура тем паче всего удивительна, что в простоте своей многохитростна, и от малого числа причин произносит неисчислимые образы свойств, перемен и явлений» (III, 335).

В заметках к «Системе всей физики» читаем: «...чудеса согласия, сила; согласный строй причин; единодушный легион доводов; сцепляющийся ряд». «Согласие всех причин есть самый постоянный закон природы»; «Все связано единою силою и согласованием природы» (III, 493).

Во многих случаях научные аналогии развертываются в сочинениях Ломоносова в яркую и живую картину, приобретающую самостоятельное художественное значение. Еще К. С. Аксаков в свое время тонко заметил, что «часто, оставляя предмет в стороне, удаляется он (Ломоносов, — *А. О.*) в поэтический образ, и часто делаемое сравнение является именно поэтическим произве-

дением».[3] Правда, это сказано Аксаковым в отношении од Ломоносова. Но эта особенность в не меньшей мере присуща и научным произведениям Ломоносова.

Так, в «Слове о пользе химии» Ломоносов конкретизирует высказанный им в общей форме тезис о пользе науки путем развернутого на целую страницу сопоставления европейца, владеющего всеми плодами науки, со скитающимся в степях Америки индейцем, стоящим по своей культуре на уровне первобытного человека.

Весьма существенной особенностью научной и публицистической прозы Ломоносова, придающей ей особую живость, является наличие в них сильного автобиографического элемента.

«В письма к И. И. Шувалову, в ученые сочинения и даже официальные „рапорты" и „доношения" Ломоносова, — замечает А. А. Морозов, — вторгаются живые автобиографические признания, неожиданно освещающие бытовую обстановку, окружавшую его на Беломорском Севере, в Москве, Петербурге и на чужбине».[4]

Возьмем хотя бы его известное «письмо» «О сохранении и размножении российского народа». Не говоря уже о прямых автобиографических припоминаниях об отце, овдовевшем третий раз, и о том, что по детскому лечебнику Гофмана он сам «дочь свою дважды от смерти избавил», сколько здесь метких зарисовок и подробностей народного быта, основанных на сугубо личных впечатлениях человека, вышедшего из народной среды и проведшего в этой среде многие годы своей жизни. Вот, например, обычная картина крещения ребенка: «Одно погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается (а когда рот и ноздри запирает поп рукою, тогда пресекается дыхание, которое недавно лишь получил младенец). Егда же холодна вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни, и хотя от купели жив избавится, однако в следующих болезнях, кои всякий младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, оная смертоносная болезнь удобнее возобновится» (VI, 391).

Возьмем другие сочинения Ломоносова, его «Примерную инструкцию морским командующим офицерам, отправляющимся в поиски северного морского пути на Восток». В ее составителе нельзя не узнать не только ученого и зоркого наблюдателя природы, но и архангельского помора, совершавшего в юности далекие плавания по Ледовитому океану. Кажется ни одно явление, ни одна деталь из жизни океана не ускользнули здесь от пристального внимания Ломоносова. «Быстрина» отливов, направление приливов по отношению к луне, степень солености морской воды,

---

[3] К. С. Аксаков. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. — Полное собрание сочинений, т. II, М., 1875, стр. 338.

[4] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711—1741. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 4.

«приращение» стужи или теплоты, глубина моря, соотношение силы и продолжительности ветра с величиной волны, плавающие по воде бревна, чайки, летящие с рыбою во рту, — все это с поразительной подробностью указано здесь Ломоносовым в качестве примет «морского ходу» и ориентировки корабля в океане.

Движущей и вдохновляющей силой всей разнообразной научной, поэтической и организаторской деятельности Ломоносова была идея грандиозного экономического и культурного преобразования страны.

Рассуждения на сугубо научные и теоретические темы нередко перебиваются страстными публицистическими пассажами, выражающими задушевные мысли Ломоносова о родине, о безграничных возможностях и прогрессе научного познания мира, о практической пользе наук.

Заканчивая научный трактат «О слоях земных», посвященный разработке основ геологической науки, выражением твердой уверенности «о довольстве всяких минералов в Российских областях» (V, 621), Ломоносов обращается к читателям с призывом к разысканию и освоению природных богатств России: «Пойдем ныне по своему отечеству; станем осматривать положения мест и разделим к произведению руд способные от неспособных... Станем искать металлов, золота, серебра и прочих; станем добираться отменных камней, мраморов, аспидов и даже до изумрудов, яхонтов и алмазов. Дорога будет не скучна, в которой хотя и не везде сокровища нас встречать станут, однако везде увидим минералы, в обществе потребные, которых промыслы могут принести не последнюю прибыль» (V, 620).

В «Рассуждении о большой точности морского пути» изложение теоретических и практических проблем мореплавания завершается взволнованным размышлением о мире: «О, если бы оные труды, попечения, иждивения и неисчетное многолюдство, которые война похищает и истребляет, в пользу мирного и ученого мореплавания употреблены были, то бы... не токмо под неприступными полюсами со льдами соединенные береги открыты, но и дна бы морского районы рачительным человеческим снисканием, кажется, исследованы были! Взаимным бы сообщением избытков коль много приросло наше блаженство! И день бы учений колико яснее воссиял бы откровением новых естественных таинств» (IV, 175).

Речь Ломоносова отличается чаще всего полнейшей непринужденностью, книжное витийственное начало легко и свободно сочетается в ней с началом разговорным, высокая патетика с иронией и насмешкой. В этом отношении научная и публицистическая проза Ломоносова представляет значительно больший интерес, чем его оды и похвальные слова, отличающиеся при всей их живописной изобразительности некоторым однообразием тона.

В полемике со своими противниками Ломоносов наряду с неотразимыми логическими аргументами охотно и часто прибегал

к насмешке, сатирическому сравнению, сведению мысли противника к абсурду.

Возражая против употребления в русском стихе только женских рифм, он замечает: «Сей закон толь праведен и нашей версификации толь свойствен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел» (VII, 15).

Надо ли говорить, что такое остроумное, снижающее сравнение должно было действовать сильнее всяких логических доводов.

В замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского», осмеивая попытки Байера доказать скандинавское происхождение русских князей путем «перевертывания» их имен, Ломоносов пишет: «Ежели сии Бейеровы перевертки признать за доказательства, то и сие подобным образом заключить можно, что имя Байер происходит от российского бурлак... Мне кажется, что он немало походит на некоторого идольского жреца, который, окурив себя беленою и дурманом и скорым на одной ноге вертением, закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы» (VI, 31).

По поводу предположения Миллера о происхождении Холмогор от скандинавского «Голмгардия» он замечает: «Ежели бы я хотел по примеру Бейерово — Миллерскому перебрасывать литеры, как зернь, то бы я право сказал шведам, что они свою столицу неправедно Стокголм называют, но должно им звать оную Стиокольной, для того, что он так слывет у русских» (VI, 41).

С особой силой сатирический талант Ломоносова проявляется в тех сочинениях, где он говорит о ненавистных ему представителях церковной реакции. Тут он дает полную волю своим чувствам, отметая все каноны литературной речи, сознательно в сатирических целях сочетая церковнославянскую лексику с грубым просторечием.

С каким саркастическим негодованием говорит он, например, в «Письме о сохранении и размножении российского народа» о противоестественном обычае насильственного пострижения в монахи *вдовых молодых попов*: «Смешная *неосторожность*! Не позволяется священнодействовать, женясь вторым браком законно, честно и благословенно, а в чернечестве блуднику, прелюбодею или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля... Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода» (VI, 387).

Еще более язвительно и остроумно обличение Ломоносовым ханжеской сущности христианских постов.

«А сверх того, ученьем вкорените всем в мысли, — обращаются эти христианские законоучители к руководителям русской церкви, — что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены не для самоубивства вредными пищами, но для воздержания от излишества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образы ближнего повредитель прощения не сыщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов... Сохраните данные Христом заповеди, на коих весь закон и пророки висят: „Люби господа бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками) и ближнего как сам себя (т. е. совестью, а не языком)“» (VI, 396).

Неотразимая логическая аргументация очень часто сочетается в произведениях Ломоносова с живыми описаниями, метко схваченными с натуры картинами, которые он считал одним из важнейших средств эмоционального воздействия на слушателей и читателей. «Больше всех служат к движению и возбуждению страстей, — писал он в «Риторике», — живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действенно в зрении изображаются» (VII, 169—170).

Прекрасным примером такого описания, свидетельствующим о большой художественной наблюдательности Ломоносова, может служить содержащееся в том же письме «О сохранении и размножении российского народа» сатирическое изображение разговенья после великого поста:

«После того приближается светлое Христово воскресенье, всеобщая христианская радость, — тогда хотя почти беспрестанно читают и многократно повторяются страсти господни, однако мысли наши уже на св. недели. Иной представляет себе приятные и скоромные пищи; иной думает, поспеет ли ему к празднику платье; иной представляет, как будет веселиться с родственниками и друзьями, иной ожидает, прибудут ли запасы из деревни, иной готовит живописные яйца и несомненно чает случая поцеловаться с красавицами или помилее свидаться. Наконец, заутреню в полночь начали и обедню до свету отпели, Христос воскрес! Только в ушах и на языке, а в сердце какое ему место, где житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены. Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорвавшиеся вихри, рвут, ломят, валят, опровергают, терзают. Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягченные объядением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники. О истинное христианское пощение и празднество!» (VI, 392).

Своими многочисленными научными трудами Ломоносов заложил основы русского научного языка и чрезвычайно обогатил его средства выражения научных понятий.

Каким образом и за счет чего совершалось это обогащение? Прежде всего за счет чрезвычайно широкого образного, переносного употребления слова. Слитность научного и поэтического мышления Ломоносова, составляющая характернейшую черту его гения, в сильнейшей степени сказалась и в языке его научной прозы. Ломоносову-ученому тут постоянно приходит на помощь Ломоносов-поэт, превосходно владеющий даром образной выразительной речи.

Характернейшей особенностью стиля ломоносовской поэзии справедливо считается смелая и чрезвычайно обильная метафоризация. Это же качество присуще и научной прозе Ломоносова.

На первом месте среди поэтических тропов, употребляемых в научных сочинениях Ломоносова, следует назвать олицетворение (прозопопею). Особенно характерно для Ломоносова олицетворение таких чрезвычайно часто встречающихся в его сочинениях понятий, как натура (природа), Россия, науки, художества, суеверия, земля, море и другие: «Науки возрастут, жатвы снимут» (III, 99); «Науки художествам путь показывают: художества происхождение наук ускоряют» (II, 351); «Натура в просторе своей многохитростна» (III, 335); «Натура открыла свое обильное недро» (V, 401); «Россия к сынам своим вещает» (II, 162); «Идолопоклонническое суеверие держало Землю в своих челюстях, не давая ей двигаться, хотя она сама свое дело и божие повеление всегда исполняла» (IV, 371); «сердце земное» (V, 569); «свирепое море» (IV, 125); «непостоянное море» (IV, 175); «великий и страшный исполин» (океан) (IV, 174) и др.

С приемом олицетворения тесно связана такая особенность стиля ломоносовской научной прозы, как частое употребление прямой речи: диалогов, обращений, воззваний от имени родины, наук и т. д. Теория происхождения янтаря из органических смол выражена Ломоносовым в такой весьма живой и красочной сценке:

«Кто таковых ясных доказательств не принимает, тот пусть послушает, что говорят включенные в янтарь червяки и другие гадины. — Пользуясь летнею теплотою и сиянием солнечным, гуляли мы по роскошествующим влажностью растениям, искали и собирали все, что служит к нашему пропитанию; услаждались между собою приятностью благорастворенного времени и, последуя разным благовонным духам, ползали и летали по травам, листам и деревьям, не опасаясь от них никакой напасти. И так садились мы на истекшую из деревьев жидкую смолу, которая нас, привязав к себе липкостью, пленила и, беспрестанно изливаясь, покрыла и заключила отвсюду. Потом от землетрясения опустившееся вниз лесное наше место вылившимся морем покрылось: деревья опроверглись, илом и песком покрылись купно со смолою и с нами; где

долготою времени минеральные соки в смолу проникли, дали большую твердость и, словом, в янтарь претворили, в котором мы получили гробницы великолепнее, нежели знатные и богатые на свете люди иметь могут» (V, 611).

Между прочим, любопытное упоминание об этой сценке, свидетельствующее о ее популярности, находим в «Былом и думах» Герцена. Вспоминая университетского профессора Ловецкого, читавшего курс минералогии, Герцен пишет, что «он умел тоже трогательно повествовать, как мушки рассказывали, как они в прекрасный летний день гуляли по дереву и были залиты смолой, сделавшейся янтарем, и всякий раз добавлял: „Господа, это — прозопопея“».[5]

Прекрасным примером художественной образности ломоносовской научной прозы является уже упоминавшееся «Слово о пользе химии». Оно написано с таким глубоким воодушевлением, отличается такой стройностью изложения, полнотой и оригинальностью доказательств, таким мастерским использованием изобразительных средств, что по справедливости может быть названо не только выдающимся научным произведением, но и шедевром ораторского искусства.

«Слово» построено так, что представляет собой как бы одну огромную метафору — олицетворение: науки — служительницы в «богатом храме» («чертоге», «святилище») натуры. Химия — ближайшая из этих служительниц, наперсница натуры, которой суждено стать «первой предводительницей» в раскрытии тайны вещества, первой открыть «завесу внутреннего сего святилища» своей госпожи «натуры».

Все последующее содержание «Слова» представляет собой не что иное, как последовательное, удивительно выдержанное в целом и частях развертывание этого образа химии — служительницы натуры:

«Математики по некоторым известным количествам неизвестных дознаются. Для того известные с неизвестными слагают, вычитают, умножают, разделяют, уравнивают, превращают, переносят, переменяют и наконец искомое находят. По сему примеру рассуждая о бесчисленных и многообразных переменах, которые смешением и разделением разных материй химия представляет, должно разумом достигать потаенного размерною малостию виду, меры, движения и положения первоначальных частиц, смешанные тела составляющих. Когда от любви беспокоящийся жених желает познать прямо склонность своей к себе невесты, тогда, разговаривая с нею, примечает в лице перемены цвету, очей обращение и речей порядок; наблюдает ее дружество, обходительства и увеселения, выспрашивает рабынь, которые ей при возбуждении, при

[5] А. И. Герцен. Былое и думы. — Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. VIII, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 128.

нарядах, при выездах и при домашних упражнениях служат; и так по всему тому точно уверяется о подлинном сердца её состоянии. Равным образом прекрасныя натуры рачительный любитель, желая испытать толь глубоко сокровенное состояние первоначальных частиц, тела составляющих, должен высматривать все оных свойства и перемены, а особливо те, которые показывает ближайшая ее служительница и наперсница и в самые внутренние чертоги вход имеющая химия; и когда она разделенные и рассеянные частицы из растворов в твердые части соединяет и показывает разные в них фигуры, выспрашивать у осторожной и догадливой геометрии; когда твердые тела на жидкие, жидкие на твердые переменяет и разных родов материи разделяет и соединяет, советовать с точною и замысловатою механикою; и когда чрез слитие жидких материй разные цвéты производит, выведывать чрез проницательную оптику. Таким образом, когда химия пребогатыя госпожи своея потаенные сокровища разбирает, любопытный и неусыпный натуры рачитель оные чрез геометрию вымеривать, через механику развешивать и через оптику высматривать станет, то весьма вероятно, что он желаемых тайностей достигнет» (II, 353—354).

Можно ли изящнее и остроумнее охарактеризовать метод химического изучения природы и выразить мысль о необходимости тесного содружества наук, чем это сделано в приведенном выше игривом сравнении. А какая поразительная точность метафорических эпитетов: осторожная и догадливая геометрия, точная и замысловатая механика, проницательная оптика.

Развивая далее свою заветную мысль о содружестве наук, Ломоносов в точном соответствии со смыслом основной метафоры — олицетворения называет химию и математику сестрами и одну из важнейших причин недостаточных успехов в изучении «естества» видит в том, что они действовали разрозненно: «И для того по сие время сии две, общею пользою так соединенные сестры толь разномысленных сынов по большей части рождали» (II, 355).

Таким же чисто метафорическим способом раскрывается роль химии в металлургии:

«Напрасно *хитрая* натура *закрывает* от ней свои *сокровища* толь *презренною завесою* и в толь *простых ковчегах затворяет*, ибо *острота тонких перстов химических* полезное от негодного и дорогое от подлого распознать и отделить умеет и сквозь *притворную* поверхность видит внутреннее достоинство. Напрасно богатство свое великою твердостию тяжких камней *запирает* и вредными жизни нашей материями *окружает*, ибо *вооруженная* водою и пламенем химия *разрушает крепкие заклепы* и все, что здравию противно, прогоняет» (II, 360).[6]

Метафоризация в научном языке Ломоносова выступает не только в чисто стилистической функции, но и в качестве важней-

[6] Курсив здесь и далее наш, — *А. О.*

шего средства, помогающего преодолеть трудности языкового выражения научных понятий, связанные с неразработанностью научного языка и с отсутствием необходимой научной терминологии. Вот, например, как при помощи метафор изящно и ясно выражена Ломоносовым мысль о силе и значении умозрительного мышления:

«Велико есть дело достигать во глубину земную разумом, куда рукам и оку досягнуть возбраняет натура, странствовать размышлениями в преисподней, проникать рассуждением сквозь тесные расселины и вечною ночью помраченные вещи и деяния выводить на солнечную ясность» (V, 531).

Создание Ломоносовым научной терминологии в значительной степени зиждилось также на переносном, метафорическом словоупотреблении. В «Слове о рождении металлов от трясения земли» встречаем такие терминологические выражения: «огнедышащие горы» (вулканы; V, 308), «огнедышащий потоп» (V, 328), «отрыгания огнедышащих гор» (извержение лавы; V, 330), «сухой подземный дождь» (вулканический пепел; V, 328), «скорлупа земной поверхности» (земная кора; V, 310), «земная утроба» (земные недра; V, 577). Заметим также, что само название упомянутого сочинения образовано из двух метафорических сочетаний слов: «рождение металлов» и «трясение земли».

Кроме метафор, олицетворений, эпитетов, Ломоносов охотно и часто прибегает в научных сочинениях к метонимии и перифразу, придающими научному изложению большую живость и конкретность. Приведем некоторые примеры:

«Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами. Ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из *самых развалин сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей*, проповедающих дела своих героев» (VII, 592).

Вот еще один пример использования метонимий, перифраз и метафор из «Слова о явлениях воздушных»:

«Не устрашил ученых людей Плиний, в горячем пепеле *огнедышащего Везувия погребенный, ниже́ отвратил пути их от шумящей внутренним огнем крутости. Смотрят по вся дни любопытные очи в глубокую и яд отрыгающую пропасть*. Итак, не думаю, чтобы внезапным поражением нашего Рихмана *натуру испытающие умы* устрашились и электрической силы в воздухе законы изведывать перестали» (III, 23).

Приведем еще несколько примеров: «Медицына... удрученных болезнью почти из *гроба восставляет*» (II, 357); «Того ради можете ли помыслить, чтобы горы мои драгими сокровищами *поту лица вашего* не наградили» (II, 362); «Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45-ти лет» (VI, 387); «Затем, что аптекари держат еще учеников немецких, а русские при иготе, при решете и при уголье до ста-

рости доживают и учениками умирают» (VI, 397); «Если бы те, которые *все свои дни затемняют дымом и сажей и в мозгу которых господствует хаос* от массы непродуманных опытов, не гнушались поучиться священным законам геометров... то несомненно могли бы глубже проникнуть в таинства природы» (II, 75); «Особливо же к тем представляю, *которые, обращаясь похвально в одной химической практике, выше углей и пеплу головы своей поднять не смеют*, дабы они изыскания причин и натуры первоначальных частиц, тела составляющих... не почитали тщетным и суемудренным» (III, 342).

Нетрудно заметить, что применение метонимий и перифраз, точно так же как и метафоризация, не только содействует живописности слога ломоносовской научной прозы, но и в ряде случаев помогает избежать трудностей, связанных с необходимостью дать обозначение тому или иному факту или научному понятию. Так, перифразы: «те, которые все свои дни затемняют дымом и сажей» и «те, которые... выше углей и пеплу головы своей поднять не смеют» заменяют отсутствовавшее в научном языке того времени обозначение: ученые-практики, эмпирики.

Другим, не менее важным качеством ломоносовского научного языка, наряду с его богатейшей образностью, является его поразительное лексическое богатство, необычайная широта его лексического диапазона.

Основной заслугой Ломоносова в области литературного языка справедливо считается осуществление синтеза живого русского языка с языком книжным, церковнославянским. Внушительные масштабы этого синтеза особенно ощутительны в научной и публицистической прозе Ломоносова. Тут особенно становится ясным, насколько широко были раздвинуты Ломоносовым границы литературного языка, с какой свободой и смелостью черпал он слова в самых различных глубинах «едва пределы имеющего моря» языка, начиная с высокой церковнославянской лексики и кончая разговорным просторечием.

Ломоносова обычно рассматривают как создателя нормативной стилистики, при этом преимущественное внимание уделяется его теоретическим положениям, а из языковой практики Ломоносова подбираются лишь те факты, которые подтверждают установленные им стилистические нормы.

Между тем неповторимая индивидуальность ломоносовского стиля проявляется не столько в следовании этим нормам, сколько в стихийном отклонении от них. Живой, страстной натуре ученого-патриота, просветителя, полемиста было тесно в рамках установленной им же самим стилистической классификации. Давая волю непосредственному выражению чувства, он нередко выходил за пределы литературно-стилистических канонов и условностей своего времени. Как уже отмечалось, высокое патетическое начало сочеталось в его произведениях с сатирой, острой насмешкой, иронией,

резкими полемическими нападками. А это неизбежно приводило к нарушению строгого стилистического единства. В риторический склад речи прорывались разговорные интонации, высокая лексика смешивалась с просторечием.

Литературные противники Ломоносова не раз укоряли его в нарушении стиля, в засорении литературного языка «холмогорским наречием». Сохранилась черновая запись Ломоносова, содержащая замечания, которые, очевидно, были сделаны критиками по поводу его «Российской грамматики»: «1. Диалект северный. 2. Штиль разный. 3. Недостаток лексикона» (VII, 851).

В примечаниях к «Российской грамматике» в академическом издании сочинений Ломоносова справедливо говорится, что «формально такой упрек был основателен: „высокий стиль" посвящения, первого и некоторых других параграфов заметно отличается от стиля остальных, особенно тех, где Ломоносов с кем-нибудь полемизирует (см., например, §§ 88, 119 и др.). Так можно понять слова „штиль разный"» (VII, 851). Действительно, в указанных параграфах находим слова и выражения, явно не подходящие для среднего стиля: «Вновь вымышленные или, справедливее сказать, старое „е", на другую сторону обороченное, в российском языке не нужно» (VII, 422); «... для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело, когда и для своих разных произношений нередко одною *пронимаемся*» (VII, 422).

Подобного рода нарушения единства стиля неоднократно встречаются и во многих других сочинениях Ломоносова. В «Письме о правилах российского стихотворства», полемизируя против искусственного ограничения русского стихосложения различными правилами, не соответствующими характеру русского языка, Ломоносов охотно прибегает к грубоватому просторечию, к народной фразеологии, отчего его слог приобретает какую-то особую энергию и насмешливую силу:

«Не знаю, чего бы ради иного наши гекзаметры и все другие стихи... *так запереть*, чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели» (VII, 12); «Французы... надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь *криво и косо в своих стихах слова склеивают*, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они, так же как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им *в рот кладет*... однако *нежные те господа*, на то несмотря, почти однеми рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма симболом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, *сугорбившись и раскарячившись*, при музыке играющего на скрыпице сатира танцует» (VII, 13); «То для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только *однеми женскими побрякивать*, а мужеских бод-

рость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять?» (VII, 16).

В «Риторике», критикуя излишнее следование правилам, Ломоносов неоднократно употребляет просторечный глагол «завраться»: «Но сие показываем не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним итальянским авторам, которые, силясь писать всегда витиевато... нередко *завираются*» (VII, 206); «...сверх того весьма остерегаться должно, что бы, за ними (правилами, — *А. О.*) излишно гоняючись, *не завраться*» (VII, 219).

Просторечная лексика нередко попадается даже в исторических трудах Ломоносова, в которых он, кажется, проявлял бо́льшую заботу в отношении выдержанности стиля, чем в других научных трудах. Здесь, наряду с церковнославянскими словами, библейской фразеологией («как елень на водные источники» и др.), употреблением дательного самостоятельного встречаем слова и выражения, явно выпадающие из общего стиля работы: «не одаливал с ребячества» (VI, 261); «ожидать похлебства» (VI, 261); «понял за себя в супруги греческую царевну Анну» (VI, 299); «царевича своего Ивана зашиб в крутом гневе» (VI, 326); «утишил начинавшийся бунт Новгородский» (VI, 335) и мн. др.

Живой народный язык был для Ломоносова основным источником и при выработке научной терминологии. Трудно назвать другого ученого, который обладал бы столь счастливым даром и изобретательностью находить для выражения самых сложных научных понятий и терминов слова в самой простой обиходной речи. Множество созданных Ломоносовым терминов прочно вошло в научный оборот. Страстный ревнитель чистоты русского языка, Ломоносов боролся против засорения варваризмами как художественной, так и научной речи. Многие иностранные термины, занесенные в русскую науку, Ломоносов с успехом заменил русскими.

Читая работу Ломоносова «Первые основания металлургии», кажется, первую по этому вопросу написанную на русском языке, при том работу, основанную на изучении металлургического процесса за границей, в Германии, невольно поражаешься тому, как умело Ломоносов использует для передачи сугубо специфической немецкой металлургической терминологии[7] бытовую и хозяйственную. Вот некоторые примеры такого использования: «жилы руд-

[7] В предисловии к книге Ломоносов пишет, что в Немецкой земле при таких работах употребляются «особливые речи, прочим немцам незаобыкновенные, так что, приехав из Гессенской земли в Саксонию, принужден я был учиться другой раз немецкому языку, чтобы разуметь, что говорят рудокопы и плавильщики» (V, 396). Вследствие этой сугубой специфичности немецкой металлургической терминологии даже немецкие авторы описаний рудных дел были вынуждены «мелких частей и действий странные имена... и для своих одноземцев описывать, вместо того, чтобы изобразить одним общеупотребительным словом» (V, 396).

ные», «хвост жилы», «подъемная машина», «бадья», «тележка», «короб», «клюка», «очап», «ворот», «корыто», «шест», «худой воздух» (газ), «толчеи», подобные «хлебным толчеям», «скребок», «перемывка руд», «лохань», «обжигательная печь», «огарки рудяные», «бляшки», «обочейка или ободок», «каменные простенки», «горные уголья», «шкварины», «накипи», «ноздри горы», «сосняки», «ельники», «березники», «поскотина» (пастбище), «оконничники» (стекольщики) и мн. др.

Иностранные термины, употребленные в работе, обычно сопровождаются соответствующими голкованиями: «шахт, то есть глубокая яма» (V, 446); «штольня, или горизонтальный ход» (V, 447); «железную руду плавят в особливых печах, которые домнами называют» (V, 508).

Простота терминологии и ясность изложения обеспечивали этому труду Ломоносова абсолютную общедоступность для всякого грамотного человека. Опубликованный в 1763 г., он долгое время служил для многих русских промышленников важнейшим практическим руководством по геологической разведке и технологии металлургии.

Смелость в использовании просторечной лексики в научных сочинениях подчас просто поразительна. В сугубо-научном трактате «Явление Венеры на Солнце», отмечая поразившее его явление, натолкнувшее на догадку о существовании на Венере атмосферы, Ломоносов пишет: «При выступлении Венеры из Солнца, когда передний ее край стал приближаться к солнечному краю и был... около десятой доли Венерина диаметра, тогда появился на краю солнца пупырь» (IV, 368). Его ничуть не смущает, что слово «пупырь», т. е. «пузырь», самое что ни на есть просторечное и его соседство с научными терминами (диаметр и др.) нарушает единство слога. Формальные требования стилистической нормы уступали у Ломоносова требованиям наиболее точного и ясного выражения мысли. Он всегда оставался верным требованию, высказанному в его «Риторике»: «Больше должно наблюдать явственное и живое изображение идей, нежели течение слов» (VII, 245).

Рассмотренные нами примеры заимствованы из произведений, относящихся к «среднему стилю», в котором, как уже отмечалось, требовалось соблюдать «всевозможную равность» в отношении языка, не допуская смешения церковнославянских слов с просторечными. Если же мы обратимся к сочинениям Ломоносова, которые в соответствии с теорией «трех штилей» подпадают под понятие «низкого штиля», то увидим здесь такую свободу от всяких искусственных литературно-стилистических условностей, такое разрушение всяких граней между письменной и живой устной речью, какое можно встретить разве только в сочинениях Ивана Грозного и протопопа Аввакума. Наиболее ярким примером в этом отношении может служить уже упоминавшееся письмо «О сохранении и размножении российского народа», поражающее не

только широтой и смелостью намечаемых в нем преобразований, но и удивительно живым и крепким народным языком, обилием просторечной лексики. Здесь встречаем такие, например, простонародные слова и формы: «особливо», «малых ребят», «на девках», «обрюхатеть», «глупым мужишком», «спознавается», «отравливает», «инако», «старее», «пустошь», «ежели», «наймуй», «третьщиков», «половинщиков», «не заказана» (не запрещена), «сомнительства», «пищами», «надобно», «попы», «загавливаются», «с привязу», «крутопеременное», «без крутых скочков и пригорков», «жизнь коротит», «наймают», «гостьбы», «прерывистого питания», «матерно не избранить», «стужи», «не сыщет», «потопления», «падеж на скот», «остерегаются», «двояки», «гощения», «убивствами», «убавить», «далече», «поодиночке», «тынов», «потребами» и др. (VI, 383—403).

Главнейшая заслуга Ломоносова в истории русского языка заключается в том, что он открыл путь чрезвычайно плодотворному слиянию всех живых сил русского языка. Это общепризнано. Верность этой мысли с особенной полнотой и отчетливостью постигается при обращении к творческому наследию Ломоносова в полном его объеме, включая сюда не только собственно литературные произведения Ломоносова, а и его научную, публицистическую и деловую прозу.

Не порывая с языковыми традициями, сохраняя все ценное, жизнеспособное, накопленное в процессе длительного исторического развития русского языка, Ломоносов вместе с тем ввел в русский литературный язык (в широком значении этого понятия) мощную народно-демократическую стихию.

Смелое языковое новаторство Ломоносова, точно так же как и многие его научные открытия, намного опережало свою эпоху, выходило за пределы существовавших языковых канонов. Поэтому оно не могло найти надлежащей оценки и понимания у современников и ближайших потомков, видевших в Ломоносове, в соответствии с эстетическими понятиями своего времени, прежде всего российского Пиндара и Цицерона, создателя высокого одического и ораторского слога, хотя, как правильно указывает В. В. Виноградов, — «литературная практика Ломоносова шире и богаче его теории».[8]

[8] В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 229.